

Кайл Иторр

Адов Пламень

Книга Тьмы

Кайл Иторр

Адов Пламень

«Калико Яков Владимирович »

Иторр К.

Адов Пламень / К. Иторр — «Калико Яков Владимирович »,
— (Книга Тьмы)

Вторая половина 9-го столетия от Р.Х. Империя Магнуса, просуществовав менее полутора веков, вновь распалась на Четыре Королевства. Война за престолы между многочисленными потомками императора медленно погружает Европу в омут разрухи. И конечно же, этот хаос кое-кому очень даже на руку... Какова же мрачная тайна заброшенного собора, возведенного почему-то не в столице графства, а в небольшом приграничном городке? Смогут ли несколько бродяг-разбойников, временно принятых на королевскую службу, найти ответ? И стоит ли спасения этот мир, единственной надеждой которого оказалась шайка Доброго Робина? Приключенческая фэнтези.

© Иторр К.

© Калико Яков Владимирович

Содержание

Сказание	5
Вместо пролога	8
Ступень первая	11
Переход	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кайл Иторр

Адов пламень

*Я не приму корону до тех пор, пока не пойму: человек ли
развращает власть, или власть – человека.
Карл Эдвард Вагнер «Дорога Королей»*

Сказание

Последний поход Тристрама

... Жил в юго-восточной Логрии отважный рыцарь Тристрам, и среди всех воителей Круглого Стола не было равных ему ни в храбрости, ни в силе, ни в доблести, кроме одного только Ланселота, славнейшего из славных. Служил, однако, храбрый Тристрам не Артуру Пендрагону, верховному королю Логрии. Меч его принадлежал Марку, правителю Гитина, дальнему родичу артуровой супруги Гвиневер...

Так обыкновенно начинаются легенды об этом великом рыцаре, чья история наверняка известна многим достаточно хорошо, чтобы лишний раз к ней не возвращаться. О рыцаре, чье имя, наряду с именем жены короля Марка, златокудрой Изельде, давно стало нарицательным. И обозначают два этих имени, произнесенные вместе, одновременно несколько видов любви – и пьяняще-счастливую, и грустную неразделенную, и губительную для обоих.

Но здесь речь не об этом.

... Не раз король пытался избавиться от своего верного, но слишком могучего вассала, отправляя его свершать все новые и новые подвиги, однако доблестный рыцарь сокрушал все преграды, возвращаясь с победой. Да и много ли сыщется в мире такого, что не под силу тому, кто одолел черного дракона Морхальта и стал другом красного дракона Пендрагона!..

Так говорили о Марке и Тристраме. Так некогда говорили в древней Элладе о микенском ванакте Эврисфее и Геракле. Так, возможно, говорили о самом Артуре Пендрагоне и Ланселоте Озерном. Так могли бы сказать даже о римском диктаторе Сулле Счастливом и юном Гае Кесаре из рода Юлиев. Люди часто любят строить сомнительные аналогии, особенно когда для этого нет никаких оснований.

Но здесь речь, опять же, не об этом.

Здесь – о том, что обыкновенно сказителями упоминается с крайней неохотой и вскользь. О том, как и почему погиб славный Тристрам. Точнее, почему он был обречен погибнуть, ведь чья именно рука и в какое именно место нанесла удар – важно только для любителей совершенной исторической точности, а в легендах как раз ей-то и не место.

Итак, если мысленно перенестись немного назад, в год 524-й по христианскому летоисчислению – пускай сей календарь и не в ходу у западных гэлов, ни тогда, ни теперь, – можно услышать нечто интересное. Конечно, если знать, где и как слушать...

Было их двое на этой земле, лишь двое – она и он.
Было их двое: она – во мгле, он – светом и тьмой рожден.
Мглистой прохладой ласкали глаза под темным златом бровей,
И если ее проливалась слеза – он кровью платил своей.

Но пока его не узнает она –
ее не узнает он.
И черная встала меж ними стена,

чье имя – Морхальт-дракон.

Было их двое на острове том, в броне, что темна как ночь.
И только один, человек иль дракон, уйдет невозбранно прочь.
Было их двое, остался – один. Весь в ранах и без меча,
Черной заре путь закрыл паладин, прогнавший из глаз печаль.

И тогда могла бы понять она,
зачем он ушел из тьмы.
Но кровавая взмыла над ними волна
артуровой войны.

Было их двое пред Круглым Столом, красный дракон Пендрагон –
И рыцарь, что спас Камелота престол, клыком кабана уязвлен.
Было их двое, вассал и король. Король – и чужой вассал.
Каждый из них отыграл свою роль, и полдень багряным стал.

Хоть другой ласкает тело ее,
она мыслью была лишь с ним.
Но напоено ядом седое копье –
и не жить уже вместе им.

Было их двое, король и вассал. И отдал король приказ:
«Белый саксонский дракон восстал и грозою идет на нас.»
На север уехал в далекий поход рыцарь из Лионесс...
Месяц прошел, и полгода, и год. И все не приходит весть.

Жены привычны своих ждать мужей,
а девы – своих женихов,
Неспешно ведя счет оставшихся дней
и свой защищая кров...

Было их двое, и белый дракон со стяга рычит на дождь.
Хенгист, что саксов наследовал трон, и Хорса, военный вождь.
Было их двое, драконьих детей, что вышли наперерез
Белому вестнику смерти своей, Тристану из Лионесс...

А старый дракон, что остался жить,
уж с югом войны не вел.
Лишь поклялся убийце за все отплатить,
и в зимнее небо ушел...

Слухи ходили от северных скал до ласковых южных морей,
Слухи о битве, в которой металл был мягче, чем крылья фей,
Оба ль они там конец свой нашли, или один – как узнать?
Или сошлись – и потом разошлись, властные сами решать?

Но она верила в лучший удел,
и год за годом ждала,

Что небо пришлет соловьиною трель,
и спрыгнет рыцарь с седла...

Слухи сказаньями стали потом, мифами, детской мечтой.
Каждый желает, чтоб звался «дракон» сраженный его рукой.
Каждый желает, чтоб любящий взгляд (пускай и чужой жены)
Встречал, когда он возвратится назад с очередной войны...

Дикий яблонев цвет, и ладья без весла,
и безмолвный хрустальный грот.
Далеко-далеко с ним Исильд уплыла,
и дракон больше их не найдет...¹

...Тристрам так и не вернулся в Гитин. Одни говорили, что белорукая Изельде, саксонская принцесса и колдунья, всадила меж ребер рыцаря осиновый кол, чтобы выбить из его сердца любовь к Изельде Златокудрой, освобождая там место для себя. Другие уверяли, будто Тристрам победил и белого дракона саксов, после чего, смертельно раненный, улегся в ладью без руля и ветрил, и отплыл на волшебный Авалон в ароматах яблоневого цвета. Третьи мрачно сообщали, что непобедимый герой Тристрам был ранен священной реликвией саксонских королей, золотым копьем, истинное острие которого в старые времена сделали не из железа и не из бронзы, а из ядовитых львиных когтей; Тристрам разметал саксонскую армию, устранив нависшую над Логрией угрозу великой войны с северными врагами, а после – умер от ран. Четвертые же – потешались над ними над всеми, напоминая, что Изельде Златокудрая, тот самый символ «вечной любви» Тристрама, прожила с Марком Гитинским еще семь лет и померла родами, ни разу не вспоминая о существовании какого-то там рыцаря...

Так о Тристраме рассказывали не барды и менестрели. Так рассказывали люди, обычные люди, которые знали и уважали легенды, но не стремились сами творить их. Люди эти не пытались убедить ни самих себя, ни других, что слова их непременно будут услышаны и восхвалены грядущими поколениями. Они даже не пытались выдать свои повествования за чистую правду, которая-де противоречила легендам, созданным по заказу владык.

Они просто рассказывали байки.

...Говорили еще, будто Артур Пендрагон, прослышав о предательском деянии Марка и гибели Тристрама, приказал Вивиане, Хозяйке Озера, наложить проклятье на всех виновных. Однако волшебница отказала владыке Логрии, ибо виновные, по ее словам, покарали себя сами.

– А последнюю кару, – добавила она, когда король ее уже не слышал, – свершит меч Тристрама, восстав из тьмы и пламени во имя спасения того, что назовут любовью...

¹ Автор оригинальной «Песни Безумного Менестреля» – Роберт Эрвин Говард; с английского перевел Кайл Иторр, он же автор всех остальных стихов в тексте.

Вместо пролога Рука Ноденса

Этот край стал единой державой довольно давно. Когда Бран, Аларик и остальные вожди Большой Орды, сокрушив предпоследние легионы защитников италийской столицы некогда могучей Империи, занимались много более важным делом, чем собственно планирование предстоящего сражения – а именно, договаривались, кому какие кварталы Великого Города потрошить, дабы не создавать ненужных междоусобиц до полной и окончательной победы, – так вот, в эти исторической важности дни младший кентурион гастатов Лотар поднял мятеж против богоравного кесаря (тому, впрочем, уже было все равно) и увел около двух сотен солдат Альпийского легиона на северо-запад. Сам по рождению горец из Урия, Лотар сумел провести их сквозь ущелья, где под обвалами не раз гибли целые когорты (разумеется, не без помощи коренных жителей альпийских нагорий, которые любили развлечения для изображать скальных духов, злобных и кровожадных). Легионеры Лотара без особого труда захватили с полдюжины поселений восточных гэлов и укрепились там.

Этот случай никак не стал бы зародышем новой державы, первого детища умирающей Империи, не втрескайся Лотар по уши в старшую дочку местного друида, Морврин МакКолль. Легионеры часто выдвигались вглубь Галлии, и поначалу их походам всякий раз сопутствовал успех – и всякий раз гэлы, в обычное время живущие раздробленными кланами, если не вовсе отдельными родами или семьями, заключали военный союз «пока имперцы не закончатся» и дружно вышибали захватчиков.

По непонятной причине знаменитый принцип «Divide et impere» на гэлах срабатывал плохо. То есть он работал прекрасно, куда куда речь шла о надежной защите рубежей *Rex Mediterranea*: не столь трудно было, заранее прощупав почву, подкупить или задобрить кланы, враждебные тому вождю, который как раз планировал пробиться в Империю и всласть там покуролесить, – после такого в доме потенциального грабителя начиналось примерно то же самое, и ему более было не до вторжений. Но когда речь заходила о захвате чужой земли – земли, которую варвары-гэлы невесть почему считали своей, – бесполезны становились и угрозы, и посулы, и подкупы. Оставалось только говорить языком *igni et ferro*, языком силы.

Варвары уступали победоносному воинству *Rex Mediterranea* в основных разделах военной науки, среди них отродясь не бывало ни латинских *tactici*,² ни эллинских *strategos*. И тем не менее, понятия не имея о тонкостях военной науки, ремесло военное гэлы знали отменно – то есть умели драться. К тому же они превосходили легионеров числом, да и клинки вождей и лучших воителей гэльских кланов обыкновенно бывали получше мечей имперскойковки. А

² *Ab initio* – изначально. *Aether interrealis* – Эфир меж-реальный. *Anno Domini* – досл. «Господа нашего»; (год) после рождения Христова. *Apage, Malefici!* – Изыди, Малефик! *Ave Domini, immortalis te salut!* – Бессмертный приветствует тебя, Господь! *Bestia gehennae* – зверь (из) геенны. *Bestiarium Irreales* – Бестиарий Нереальных. *Causalia congruentis* – причинность гармонизирующая (совпадающая). *Chaos aeternum* – вечный хаос. *Chartea* – карта, также – сводная таблица-график. *Colpa!* – Рази! *Cum di benedicto, Wilfrid* – Благослови тебя (Бог), Вильфрид. *Descentio in Gehennah* – Сошествие в Геенну. *Divide et impere* – Разделяй и властвуй. *Dux bellorum* – досл. вождь войны; верховный военачальник. *Gehennah* – Геенна. *Igni et ferro* – огнем и мечом (досл. огнем и железом). *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti et in Nodentes Fatifacto* – Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, а также Ноденса Определяющего Судьбу. *In nomine Uni mori sanctum est* – досл. «Во имя Единого умереть свято есть»; свят погибший с именем Единого. *Inquisitio Sanctum* – Святое Расследование. *Invictus* – Непобежденный. *Is fesit cui prodest* – Сделал тот, кому (это) выгодно. *Latina vulgata* – латынь черни/толпы. *Librum Pugnarum* – Книга Битвы. *Malefici* – досл. злодеи, злоумышленники; колдуны. *Maleficos non patieris vivere* – Колдунам не позволяй существовать. *Malleus Maleficorum* – Молот Злодеев. *Mundus Infernus* – Нижний Мир. *Pater noster qui es in caelis* – Отче наш, иже еси на небеси. *Rex huic mundo* – Мир сему миру. *Rex Mediterranea* – Мир (Империя) Средиземноморья. *Rex Romana* – Мир (Империя) Рима. *Requiem aeternam dona me, Une, et obscuritas perpetua edeat me* – Вечный покой дай мне, Единый, и да поглотит меня бесконечная тьма. *Requiescatis in pacem, Rex Lorraines* – Покойся с миром, король (владыка) Лоррейна. *Spiritus* – 1) дух; 2) спирт. *Terra Gehennae* – Земля Геенны. *Vade retro, Lazarus!* – Лазар! поди вон! *Venefici non retinebuntur in vita* – Отравителей не оставляй в живых.

уж что касасемо доблести – даже женщины и дети варваров, когда нужно, брались за оружие, и ненамного отставали в сражении от своих мужей, братьев и отцов...

Ну так вот, став женихом этой девчонки, Морврин, имперский захватчик и узурпатор Лотар чуть ли не в одночасье обратился для гэлов в их родича. Нет, с родичем драться оно конечно можно, внутриклановые усобицы случались едва ли не чаще, чем стычки между кланами, – но для такой драки никому и в голову не придет просить у соседа поддержки! Родня промеж себя сама разберется, в этом обычаи гэлов не расходились с имперскими порядками.

...Ну а дочка друида уродилась весьма неглупой особой и вскорости нацепила на Лотара ошейник, предоставив бывшему кентуриону считать, что это он тут командует. И поскольку все дружно согласилось, что плохой мир будет правильнее хорошей ссоры, между чужаками-имперцами и гэлами медленно начало устанавливаться нечто вроде добрососедских отношений, а там и до дружбы недалеко.

Многие легионеры, последовав доброму примеру начальника, также взяли себе в жены местных девушек. Разумеется, на всех в округе не хватало, но тут уже воинская смекалка Лотара подсказала решение. Несколько набегов в соседские земли – к гэлам, саксам и альмам, – быстро исправили ситуацию. Сотрудники демографической конторы в Медиолане наверняка одобрили бы такой ход событий.

Смекалка состояла не столько в том, чтобы утащить у соседей несколько десятков девиц и женщин, сколько в правильном выборе этих самых соседей. В походе на Средиземноморскую Империю участвовали все племена варварского севера, но далеко не каждый клан гэлов, не каждый род саксов и альмов отдал своих сыновей под начало Аларика, Брана, Ульфгара и прочих вождей Большой Орды; исключением стали разве только готы с Истра и вандалы с Рейна, которые под предлогом этого похода перебрались на юг всем народом. Лотару лишь оставалось выбрать тех, кто УЧАСТВОВАЛ в походе: пускай, мол, не забывают, что набегиналеты за славой и богатой добычей – оно дело нужное, правильное и полезное, да только свои-то дома и семьи защищать следует прежде всего...

Подобный гений стратегии и жизненной мудрости понравился новым родичам Лотара, и тесть-друид, сменив холодный гнев на столь же холодную милость, предложил кентуриону: попробуй завоевать себе титул правителя – подлинного правителя, к которому благоволят небеса, а не узурпатора и захватчика, какого лишь терпят, пока лучшего не появится. Лотар хмыкнул – всякий, кто не происходит из знатного рода, и тем не менее сумел завоевать для себя корону, благословлен небесами *ab initio*, – однако друида все же выслушал. Объяснения пришлись ему по душе, и бравый кентурион, изобразив на щите с помощью жены и тестя знаки седого Ноденса, в одиночестве отправился в поход, дабы свершить великий подвиг... Какой именно – считалось не то чтобы великой тайной, но поскольку ныне существует самое малое дюжина версий, одинаково интересных, но достоверных в различной степени – по-видимому, правды уже не доискаться. Да это и не важно, важнее то, что подлинный правитель-рикс – это непременно герой, которому царский венец дан небесами в награду за подвиги. Такому правителю подчиняются не из страха, а из чувства долга, и даже если сам рикс правит не столь мудро и праведно, как его предшественники – это ему обычно прощается.

Когда Лотар возвратился с победой, знаком его власти стал скипетр, стилизованный под серебряную руку, старинный атрибут Ноденса, хозяина Серых равнин и покровителя героев. Ноденса Аргентлама, как называли сурового гэльского бога изучавшие жизнь варваров имперские хронисты. Сами гэлы именовали его – Нуаду Ллау Эрайнт.

Таков же был и официальный титул короля-рикса Лотара. Серебряная Рука.

Но благодаря горловому акценту восточных гэлов и густой примеси легионерской *Latina vulgata* титул этот вскоре сам собой слился в одно слово. Ллорайнт, а чуть позднее – Lorraine, Лоррейн.

Так и возникло название державы, которая вклинилась между родовыми землями гэлов, италийцев, саксов и альмов, и доселе находится там...

Исторический экскурс сей приведен не для развертывания обширной и детальной экспозиции грядущего сюжета, но единственно для иллюстрации того, как день сегодняшний бывает связан с позавчерашним.

В основном – крайне слабо.

Ступень первая Корона Льва

Мертвецы, не ведая усталости, шагали за ним по пятам.

Он спотыкался, падал, обдирая в кровь руки и лицо, снова ковлялся, не в состоянии бежать, а лишённые жизни серые силуэты надвигались, глухо урча и протягивая в сторону добычи неуклюжие руки. Нет, не руки, чудовищные лапы, ногти обратились в настоящие когти, и хотя гниющая мертвая плоть не могла дать настоящих крепких мускулов – зато те мышцы и жилы, что пока сохранились, усталости не ведали.

Он упал в последний раз, и первый из мертвецов заворчал и вцепился...

...Он проснулся от собственного вопля.

Кошмар.

Всего лишь дурной сон.

– «Pater noster qui es in caelis...» – начал было он, голос дрожал, слова выскальзывали из памяти.

Деревянный брус щеколды треснул, дверь распахнулась.

В слабом лунном свете виднелся серый силуэт, и за ним – еще, и еще...

Слов не осталось, он просто вопил, дергался, метался...

Совсем не долго.

* * *

Дрын крутанулся в руках толстого монаха и разнес беспокойного скелета по косточкам. Лучница поднялась с земли, чуть кривясь от боли в левом боку, куда пришелся удар дубины.

– Поосторожнее, Мари, – проскрипел толстяк. – Вечно тебя заносит... Сама видишь, стрелы против них почти бесполезны.

– Святой отец, не впадайте в грех гордыни, превознося достижения небесной мудрости над потребностями земной юдоли, – язвительно проговорила девушка. – Кроме того, уж черепушку-то разнести из лука можно. Это любого обычно... успокаивает.

Монах не стал спорить: острый язычок Марион был ему хорошо известен. Один только Робин мог совладать с ней, да и то не всегда.

– Надо возвращаться, – сказал он. – Все что нужно, узнали. Работы слишком много на двоих и совсем неподходяще для всех.

Девушка кивнула.

– Да, Тромм, берем обычную компанию. Робин, Малыш Йэн... ну может, еще Хельми да Алан. Остальным лучше бы оставаться на месте, ведь это... поручение запросто может оказаться ловушкой.

* * *

Таверна пустовала. Хозяин Огден, в бороде которого с каждым днем прибавлялось седины, с угрюмой аккуратностью протирал столы. Обычно этим занималась Джиллан, но девочка сейчас все время тратила на хворую бабку, и Огден управлялся сам. Да и к чему помощники – Тристрам почти опустел, даже путников уже неделю нет. С тех пор, как...

Дверь скрипнула, трактирщик поднял глаза. В дверном проеме, почти заполняя его собой, стоял светловолосый громила. Физиономия гостя не раз водила близкое знакомство с кулаками, палками и иными твердыми предметами, но когда на ней, как сейчас, светилась

щербатая ухмылка – выглядел громила почему-то вовсе не грозным и страшным, так, милый рубаха-парень.

– Да у вас здесь что, мертвое царство? – подивился он, привычно пригибаясь, чтобы не снести лбом притолоку, и вошел внутрь.

– Почти что, – ответил Огден. – Ты тут недавно?

– Ну. Только прибыл, дай, думаю, горло промочу, а тут... Есть хоть чего выпить?

– Немного есть пока... – Трактирщик откинул крышку погреба и извлек бочонок, наполненный примерно на четверть. – Прошлогоднее светлое, больше не осталось. Уж извини.

Опорожнив в два глотка большую кружку, здоровяк удовлетворенно крякнул. Пиво промыло глотку и благополучно попало в желудок, после чего мысли посетителя обратились к другим, менее приятным вопросам.

– Да что тут творится-то, бес ему в печенку?

Огден вздохнул.

– Сядь, попробую объяснить. Хотя одному святому Райнальду ведомо, что за чертовщина здесь, вокруг...

– Не знаю как Райнальду, – послышался голос со стороны двери, – а вот мне бы хотелось послушать.

– Так заходи, Робин, – не оборачиваясь, бросил громила, – а ты, старина, валяй, рассказывай.

Без дальнейших упрасиваний новый гость – парень среднего роста, темноволосый, в куртке из плотного зеленого сукна, с коротким мечом на поясе, – скользнул к столу и сел. Не спрашивая позволения, подвинул к себе кружку, наполнил, отхлебнул, поморщился, но продолжал потягивать пиво, пока Огден вел свой рассказ.

* * *

...Марион была внучкой одного из младших сыновей Магнуса, Готторма, и прозывалась спервоначалу «леди Марион». В смуте, что последовала за распадом Новой Империи, даже столь отдаленное родство могло послужить надежной опорой претенденту на престол любого из Четырех Королевств, в крайнем случае – на титул герцога или князя. Казалось бы, участь ее была предрешена: выйти замуж за достойного, надеть царский венец или княжескую диадему и править вверенным ей и мужу краем мудро и справедливо, то есть в меру своих способностей.

Вот только Марион никогда не желала восседать на троне, помахать скипетром и вершить державные дела. Связавшись с шайкой малолетних «лесных удальцов», в четырнадцать лет она удрала из дому и пустилась во все тяжкие. Научилась бить белку за сто шагов, а оленя – с четырехсот; в подарок на шестнадцатый день рождения Робин, атаман ватаги, преподнес девушке лук, сделанный эльфами Альбиона. Стоило это ему, вероятно, почти всей его доли годовой добычи, но атаман не вел счета деньгам...

...Йэн, несмотря на рост и могучее сложение, был не старше Робина, которому не столь давно стукнуло двадцать четыре. Родом откуда-то из западной Галлии, он толком не помнил собственного дома; с детства бродил где вздумается, добывая пропитание когда честным трудом, когда обычным грабежом. Йэн одинаково легко управлялся с топором дровосека, кузнечным молотом и громадной дубиной, которую отчего-то звал «посохом пилигрима». Великан-гэл оказался сущей находкой для веселой компании Ротта – Хельми Красного, – которая наводила шорох в поселениях, на лесных тропах и горных дорожках Швица, Шваба, Бауэра, Рейнланда, Вестфалии, Лоррейна и франкского Альмейна. Чуть позднее, когда отряд возглавил Добрый Робин, Вильгельм Ротт и Малыш Йэн стали его первыми помощниками...

...Тромм не был рукоположен и носить звание «святого отца» не имел права. Преподобный Освальд, аббат Вестмюнстера, был крайне низкого мнения о будущих служителях святой церкви, которые нарушают обеты воздержания, не соблюдают пост и подают своим поведением дурной пример всем прихожанам, тогда как священнику, напротив, надлежит быть для них образцом смирения и праведности. После недолгих разбирательств причетник Тромм был изгнан из монастыря и исключен из списков ордена блаженного Бенедикта. Исключен – заочно, потому как упомянутый причетник скрылся, не дожидаясь суда, и попутно прихватил с собой кое-что из церковной утвари и облачения.

На бродячих монахов разбойники нападают нечасто, но Тромму однажды не повезло. Или напротив, повезло чрезвычайно – ибо среди шатии, что вывалила на швабскую дорогу, был Малыш Йэн, который предложил служителю святой церкви честный выбор. Мол, выкладывай какое ни есть золотишко сразу, и тогда уйдешь целым и невредимым, с полным нашим уважением; ну а если желаешь обороняться – ты, отче, вижу, крепкий малый, – что ж, пожалуйста, тогда в обмен на свои богатства ты получишь пригоршню синяков и пару трещин в ребрах, кости обещаю не ломать. Монах возвел очи горе, вверяя себя воле всевышнего, после чего так саданул Йэна под ложечку, что тот сел и тарашился на драчливого «пилигрима» с минуту, прежде чем смог вымолвить хоть слово. Не столь много времени спустя они стали лучшими друзьями; зачисленный в шайку Робина Тромм принял на свои мощные плечи тяжкую обязанность – заботу о духовном воспитании «вольных лесничих», дабы не погрязли они в ересях, что распространялись по землям Европы, аки чума...

...Робин, как и Марион, принадлежал к знати, но не к самой старшей ее ветви. В роду Лох-Лей многие имели рыцарские шпоры и пояс, но знамени и герба добиться не пришлось никому. Нельзя, правда, сказать, чтобы добиться этих почестей так уж старались – вассальные обеты, лены, феоды и прочие атрибуты рыцарства как объединяющего символа общества в Лоррейне далеко не столь распространились, как у их соседей с севера, востока и юга – саксов, альмов, франков и италийцев. По этой части Лоррейн оказался ближе к западным соседям, гэлам.

Тем не менее, Робин искренне полагал себя рыцарем и держаться старался так, как оно и подобает настоящему рыцарю. Лет до двенадцати. А потом... потом банда солдат удачи похода razорила старый замок Худ, где жила семья Робина, и ушла на север, оставив позади огонь, несколько тел и израненного мальчишку, сброшенного со стены в замковый ров.

Как он выжил, Робин никому и никогда не рассказывал. Однако неполных четыре месяца спустя юный оборванец с седыми висками пробрался в замок Гисборн, отхватил у командира охраны (который ранее был главарем той банды наемников) уши и нос, а двух других участников былой потехи пригвоздил к стене казармы их собственными пиками. Сэр Ги Гисборн объявил награду за голову наглеца, только за наградой той так никто и не явился. Кроме самого Робина, однако это уже совсем другая история...

Четверо из шести вожakov известной на пол-Европы «вольной компании хранителей лесных угодий» не просто так разгуливали по городку со странным названием Тристрам. Задавая вопросы, они зачастую уже знали ответы. Заглядывая в тайники – догадывались, что именно там найдут. И продолжали поиски, если называть это таким образом.

Они делали все это, потому что сейчас – были не вожаками «вольной компании», а чем-то вроде совсем иной вольной компании – наемниками. Платили им не золотом и серебром, требовали – не снести чью-то голову и не взять цитадель; однако чувствовали они себя именно наемниками. Солдатами удачи. А точнее, солдатами неудачи, потому что не по доброй воле пришлось взяться за такое...

Знали об этом лишь они четверо, да еще двое других предводителей, что пока оставались в лесу, с отрядом, – Алан-из-Лощины и Красный Хельми, Алан Таль и Вильгельм Ротт. И те, кто отдал приказ. «Лесная вольница» не ведала ничего, и проведать никак не должна была. Для разбойников-головорезов в этом деле места просто не имелось.

Задание не нравилось никому из них, еще меньше нравилось чувствовать себя подчиненными кому-то. Потому ведь все они когда-то и ушли в леса, став изгоями и разбойниками, чтобы не зваться «слугами».

Но выбора – не было.

* * *

– Значит, говоришь, дело вышло такое, – подытожил Робин, – этот ваш епископ – как там его звать, Лазарус? – ушел вниз с отрядом храмовой стражи, да так и не вышел. И с тех самых пор по округе начала шастать нечисть, верно?

– Все точно. Хуже того, неделю назад тут неподалеку король Леорикс охотился, сыну показывал, как на медведя ходить... Вот ночью эта нечисть принца Альбрехта и уволокла.

– Львенка?! – присвистнул Йэн. – Вот гадство... Но охота охотой, ну хоть какая-то охрана у мальчика должна была быть!

– Вроде была. Трупы их нашли, один успел сказать, что видел... Ясное дело, Леорикс взбесился – Королю-Льву и по малым поводам много не надо, а тут такое, – ну и рванул в подземелья почитай в одиночку. Там и сгинул.

Робин покачал головой.

– Ну, даже и не знаю... Король-Лев был лучшим из всех рыцарей, какие мне попадались. Мы ж встречались как-то, помнишь, Йэн?

– Угу, как же. Едет, понимаешь, по закоулочкам такой себе детинушка локтей пяти с гаком, и думает: раз он в черных доспехах без герба, так его никто не узнает. А что во всей Европе людей размеров Леорикса наперечет – это ему в голову не приходит...

Трактирщик осторожно усмехнулся. Робин, однако, нахмурился и стал загибать пальцы, что-то подсчитывая и беззвучно шевеля губами. Потом коротко кивнул.

– Можно попробовать. Йэн, я тут по дороге кузню видел, она же вроде как и оружейная – загляни да сообрази насчет всякого разного. Ты себе хотел эту, как его... бриганду заказать, ну так вперед. Я пока вернусь к нашим архаровцам, предупрежу кого следует.

– Уже, – послышался сиплый голос из открытой двери. – Марион все сделает. Мы с ней только что из собора.

– И что там, Тромм?

– Как и говорили. Рассадник нечисти. Поймать бы строителя этого гнезда да повыдергивать ему все что не след... – Монах плюхнулся на скамью, перебросив Йэну посох. – Держи свой дрын; как будешь в оружейне – прихвати для меня булаву понадежнее, и щит какой-нибудь. С дубиной там не очень повоюешь.

Малыш Йэн фыркнул, встал и выразительно качнул тяжелым дубовым посохом, окованным на конце железом.

– Это вот получше и палицы, и щита. Но как хошь. Еще что?

– Посмотри, не сыщется ли болтов, – сказал Робин. – Стрелы-то у нас есть, а вот Алану с его новым арбалетом...

* * *

Городок и в лучшие-то времена можно было за полчаса обойти кругом. Теперь жилых домов в нем оставалось едва полдюжины. Да еще на острове посреди речки почему-то высилась одинокая развалюха, над которой курилась струйка дыма.

– Огден, а там кто живет? – кивнул Робин в сторону хижины.

– Ведьма. Да не, ты не думай, она не из тех, за кем эти Ловчие из «Молота» охотятся. Так, травами целебными промышляла всегда да заговорами. У нашего-то лекаря, Пепина, любые раны да болезни в момент заживали, а вот сглаз снять, оберег сварганить для удачной охоты или чего еще такого, – тут Адreja мастерица. Коли вы впрямь решились ТУДА... поговори с ней, авось да поможет чем. – Трактирщик потерял бороду. – Правду сказать, наши-то ее всегда побаивались, хотя видит небо, от нее они только добро и видели.

– Схожу, – согласился Робин. – Тромм, ты как?

– Негоже смиренному служителю Господа нашего вступать в сделки с приспешниками Врага, каковые под личиной ворожеев да колдунов имеют обыкновение скрываться, – изрек монах, важно поднимаясь. – Не я с тобой иду, сын мой, а ты сопровождаешь меня.

Добрый Робин, предводитель разбойничьего отряда, за чью голову среди франков обещали от ста до двухсот крон, а в Бауэре – равный вес золота, усмехнулся и преувеличенно низко поклонился своему «духовному наставнику», после чего оба покинули таверну.

Мостков через речку перекинуть никто не удосужился – видимо, вода в Мозеле не поднималась особенно высоко даже по весне, сейчас же через брод без труда мог пройти и пятилетний ребенок. Как минимум один такой ребенок, кстати говоря, уже прошел: светлоголовая девушка, что-то напевая себе под нос, сидела по самые уши в высокой траве и увлеченно играла с куклами, изображая, похоже, ни много ни мало как цельный королевский двор в лицах, со всеми интригами, балами, турнирами и сплетнями. Она не заметила незнакомцев, проходивших в двух шагах от ее укрытия, а ни Тромм, ни Робин не собирались зря мешать ее важным делам.

На пороге хижины сидела, плетя кошачью колыбельку, черноволосая женщина средних лет, с необычно белой для крестьянки кожей. Простое темное платье из обычного домотканого холста, но на плечи накинута богатая шаль – синий персидский шелк с золотом; крепкие чулки и башмаки, как у любой из деревенских хозяек среднего достатка, а на груди – брошка и пара булавок с сапфирами, за которые купеческий обоз со всем товаром купить можно.

– Посмотрели и будет, – не поднимая взгляда, проговорила женщина. – Коли есть что сказать, вперед, а нет – не держу, дорога открыта.

– Правду ли говорят... – начал было Тромм.

Тут Робин, у которого предчувствия работала значительно лучше языка, прервал монаха:

– Ты – Адreja, которую здесь называют ведьмой? Нам сказали, что ты можешь помочь тем, кто собирается ВНИЗ.

– Так меня действительно зовут, – молвила Адreja, – и помочь таким я тоже могу. Если у них есть чем думать. Дуракам-то помогать без толку... – Угольной молнией сверкнул взгляд из-под занавеса распущенных волос, и ведьма тут же вновь опустила голову, хотя навряд ли от смущения. – Добрый Робин, значит, да Тромм-Забияка. Вам бы я охотно помогла; только ведь вы уже решили идти туда, а значит, не отговаривать...

– О чем ты? – Тромм отнюдь не стыдился своего прозвища, но чтобы первый встречный-поперечный узнавал его с одного взгляда – такого он не любил. – Ты что, знаешь об этом соборе что-то?

– А чего ж не знать. Найти бы того, кто его возводил, да оторвать все лишнее, начиная с головы – а еще лучше, этой самой головой заканчивая...

Услышав из уст Адреи свое же недавнее пожелание, монах не то чтобы вовсе отбросил подозрительность, но спросил уже без напускного презрения:

– Расскажи – если можешь, конечно. Мудрость небесная порой нуждается в поддержке мудрости земной.

Ведьма вновь сверкнула очами, которые оказались уже не черными, а темно-синими, чуть заметно улыбнулась и пожала плечами.

– Могу и рассказать, ничего трудного тут нет. Но показать, оно и мне проще будет, и вам полезнее. Коли не боитесь.

Тромм возмущенно перекрестился массивными дубовыми четками, которые использовал главным образом в драке, вместо кастета, и выпятил грудь колесом (увы, объемистое брюхо слегка подпортило бравый вид монаха). Робин хмыкнул и наклонил голову.

– Давай. Если это поможет.

Когда Адрея выпрямилась во весь рост, она оказалась на пол-ладони выше их обоих, что, впрочем, удивления не вызвало – ни Робин, ни Тромм не числились среди великанов, не то что Йэн и Хельми. Ведьма удалилась в хижину и через несколько минут снова появилась снаружи, в руках ее покачивался начищенный до блеска медный котелок, воды в котором было чуть больше половины. В прозрачную жидкость ведьма бросила щепотку-другую сушеных трав и порошков, и добавила несколько невнятных слов. Монах – так, на всякий случай – перекрестил Адрею и ее котелок, прошептав часть молитвы об изгнании злых сил, сколько сумел припомнить. Когда в Вестмюнстере читали лекции об экзорцизме, причетник Тромм зачастую мирно спал, так что теперь он больше полагался не на свою память, а на милосердие Господа, Он безусловно видит и ведаёт нужду смиренного грешника и не откажет снизить, если это действительно нужно... а слова – они всего лишь слова, они для людей, а Тот, Кто наверху, и так поймет.

Ни одна злая сила не объявилась, и Тромм несколько успокоился. Быть может, эта дочь Евы не столь глубоко погрязла в грехах и ее незачем причислять к ворожеям, каковых надлежит не оставлять в живых...

– Одна из многих ошибок переводчиков Завета, – заметила на это Адрея, продолжая помешивать воду в котелке. – В оригинале-то, на языке Нефилим, написано – «M'khashespah lo-tichauyah», на латыни этому следовало бы звучать как «Venefici non retinebintur in vita». «Отравители не должны оставаться живыми», то есть... А многомудрый Иероним, когда переводил святыя писания на язык Империи, поставил в этом месте «Maleficos non patieris vivere», «Колдунам не позволяй существовать». Что вы наверняка и слышали, когда священники говорили о Слове Божьем...

– Ты богохульствуешь!

– Думай как хочешь. Правду словами не укрыть. Слова – они всего лишь слова и для людей...

– Оставь, Тромм, – вступился Лох-Лей, – не время для этого. Да и не место...

Монах с запозданием осознал, что обсуждать тонкости Святого Писания с ведьмой (которая наверняка к тому же еретичка), в ее собственном доме, да еще в тот самый момент, когда она ворожит для них и в помощь им, – не самая умная вещь на свете, ведь имеется зло куда зловреднее каких-то там ересей... Адрея усмехнулась и также не стала продолжать спор.

– Смотрите внимательно, – сказала она, – и лучше не двигайтесь.

Вода подернулась серебристым налетом. Затем почернела.

...Волосатые существа, большие похожие на обезьян, чем на людей. Две тяжеленные дубины в их руках сталкиваются с оглушительным треском. Еще удар, и еще... Наконец сучковатая дубина глубоко раздирает одному левое плечо, раненый припадает на колени; его противник, со светлой уверенностью чувствуя себя победителем, заносит оружие для последнего

удара – и с воплем падает, повергнутый наземь взмахом лапы молодого пещерного льва, который возжелал присоединиться к чужой забаве...

...Сутцкое и кривоногое создание очень отдаленно напоминает человека. Грубо обколотый камень со сквозной дырой насажен на палку и примотан к ней полосками кожи. Каменный топор с хрустом пробивает череп. Победитель с горделивым рыком наступает на труп врага – и белокрылая дева-ангел вручает ему знак власти, массивный нефритовый жезл, в который вставлены львиные клыки...

...Медный молот высекает из белого утеса снопы разноцветных искр; кружа подобно хоровету, они поднимаются все выше и выше, к угольно-черному небосводу, который доселе не ведал и не желал ведать иных оттенков. От ударов утес крошится, из его глубин начинают проступать очертания человеческой фигуры. Вот человек виден почти целиком, лишь кисти и ступни его по-прежнему заключены в каменное узилище. Человек открывает глаза и пытается произнести что-то, но молот с размаху бьет его в грудь и застревает там. Из раны толчками струится кровь – сперва темно-багряная и густая как патока, затем красная, чуть пожисже, алая, словно вино, розовая, как окрашенная рассветом вода – и наконец, ослепительно-золотая, которая уже не течет, а кипит, испаряясь сама собою. Безликий молотобоец выдирает свое орудие из раны и брезгливо швыряет его в небеса. Окровавленный молот прошибает дыру в хрустальном своде, теряя при этом рукоять, и становится дарующим свет и тепло солнцем...

...Черный от старости, но покуда острый и прочный бронзовый клинок вонзается меж лопаток высокой фигуры, протыкая мантию, желтую и серую. Возглас изумления? предсмертный хрип? Из раны веером брызжет пламя. Убийце недостает ловкости и проворства, руки его обращаются в бесполезные куски плохо прожаренной плоти; которыми, однако, ему еще предстоит возвести храм, точнее, гробницу, куда только и можно поместить убитого, потому что земля не сможет носить его после смерти, как носила при жизни...

...Железная дверь отходит от серого скального косяка с истерическим визгом ржавых петель. Трехрогий череп, насаженный на хрустальный шпиль, весело улыбается тем, кто посмел потревожить Нижний Мир – наивные, они так надеялись на защиту символа, золотом вышитого на их белых одеждах. Крестовидного символа, похожего на искаженный знак солнца...

* * *

Хризвальд, чаще прозываемый в округе просто Грызем, росту был скорее среднего, но сложением громиле-Йэну не уступал. Усы и бороду кузнец не носил, предпочитая бриться, голова его много лет как облысела, зато ниже шеи он почти весь зарос темной шерстью. Местами на торсе и руках светились подпалины – и то, с огнем да железом работая, трудно от таких уберечься. А кузнец еще и разгуливал голым по пояс – жарко, видать, ему было. Особенно у наковальни.

– Бригантина, значит, – протянул Хризвальд. – Муторная это штукавина, а на тебя так вообще... попробуй лучше вот это.

Йэн не без сомнений посмотрел на кузнеца, однако отказываться не стал и попробовал влезть в предложенный жилет. Удивительно, в плечах обновка оказалась как раз, и даже чуть длиннее, чем нужно. Прочная кожа, усыпанная мелкими железными пластинками, и от палицы укроет, и от меча, и даже от топора. Не хуже кольчуги или альмейнской «дошатаой» брони. Не чета полным доспехам, понятно, ну так нельзя ведь все сразу иметь, тем паче доспехов таких тоже – не у каждого десятого рыцаря водится.

– Это кто ж такого росту-то сыскался? – спросил Малыш Йэн.

– А сам не докумекаешь? Леорикс, кому еще. Это была его запасная... я подлатал чуток, полдюжины бляшек заменил да скрепы в поясе. На, возьми еще шлем.

Нахлобучив войлочный колпак, Йэн надел сверху и вторую обновку. Железная шапка немного сжимала виски, но была определенно удобнее того котелка, который он обычно одалживал у Тромма.

Кстати, о Тромме...

– Грызь, а щита какого и палицы у тебя не найдется?

– Ща глянем... булава точно была, – волосатые руки кузнеца извлекли из сундука маленькую, метательную палицу, затем добрались и до оружия посолиднее. – Держи. Щит есть, но он не очень... Каркас там уже старый, если что – долго в бою не продержится.

– Все лучше, чем ничего, – Йэн сунул булаву и небольшой круглый щит в мешок. – Ну, спасибо. Выручил. Жаль, болтов нет.

– Сделать-то я мог бы, да ведь тебе сейчас...

– Не мне. Ну, неважно. Если чего нужно – свистни, всегда помогу.

Еще раз они обменялись рукопожатием, способным сплющить подкову, и распрощались.

Малыш Йэн неспешно зашагал на окраину Тристрама, к опушке леса; место встречи было назначено именно там. Хризвальд-Грызь задумчиво запустил пальцы в заросли шерсти на груди, почесался, хмыкнул и скрылся в кузне.

* * *

– Не, я туда не пойду, – отказался Алан. – Мы с Миком тут приглядим за порядком, пусть Ротт развлекается. А, Хельми? Ты все жаловался, что я самые интересные дела перехватываю, ну так вот тебе работенка.

Бывший атаман хмуро взглянул на менестреля единственным здоровым глазом (мелочь, на днях с Йэном выясняли, кто на дубинках лучший). Увидел он, как и ожидал, весьма ехидную ухмылочку. Никаких сомнений, его опять нагло перехитрили.

Впрочем, Вильгельм не возражал. Приключения – вот главное, ради чего он вообще вел «неправедную» разбойную жизнь. Не из-за денег, их-то за чертову дюжину лет Ротт скопил достаточно, чтобы выкупить у какого-нибудь тана-голодранца из Вестфалии или Фризии небольшой замок. Придет день, так он и поступит. Лет где-нибудь через двадцать. А пока что – следовало идти навстречу всякому событию, какое только могло приключиться, пусть даже это почти наверняка окажется очередная неприятность.

«Приключиться», по мнению Вильгельма, весьма далекого от тонкостей италийской лже-науки «линхвистики», значило совершенно не то же самое, что «произойти», и относилось только к вещам, которые попадались далеко не на каждом шагу. Ни повеление Святоши Яна и епископа Хюммеля, ни ситуация в Тристраме к таким не относились – даже если Марион, по своему обыкновению, все чуть-чуть приукрашивает (дабы не оскорблять ее словами «нагло врет» – это чревато). Само поручение, тщательно скрываемое от остальной шайки, саксу не нравилось чрезвычайно, но уж коли за него пришлось взяться – получить от этого надо все что только возможно и невозможно.

– Добро, – бросил Ротт. – Тогда ватага пока побудет на тебе. В крупные дела не ввязывайтесь, а по мелочи – сам смекнешь, не маленький вроде как. Мари, ты остаешься?

– Еще чего! – раздалось из шалаша. – Попробуй только меня туда не пустить – прирежу, клянусь всеми святыми! – Выскочив наружу, Марион обвела картинно-сердитым прищуром толпу разбойников, держа кинжал наготове. Кое-кто ухмылялся, кое-кто откровенно гоготал, но перечить ей не стал ни один; себе дороже.

Девушка успела переодеться, на ней теперь поблескивала кольчужка, с рукавами до локтя и усиленным плетением на груди и плечах. Несколько месяцев назад шайка Робина «раздела»

византийский обоз, и Марион в счет своей доли добычи позаимствовала у раненого оруженосца его броню; юнец, понятно, не соглашался, однако нож у горла быстро растолковал будущему византийскому «паладину», что жизнь, она будет немного ценнее кошелька и доспехов. Подходящие для женщин кольчуги встречались нечасто, посему приобретением своим Марион весьма дорожила и надевала отнюдь не в каждую «экспедицию». Как раз теперешняя затея, впрочем, была не «каждой»...

– Ну, вырядилась, – фыркнул Алан, который брони не признавал и считал поэтому всех закованных в доспехи жалкими трусами (в первую очередь сие касалось рыцарского сословия). – Прямо-таки картинку рисовать можно.

– Хочешь – рисуй, – отрезала девушка, – не возражаю. Как-нибудь потом займемся, как время будет – напомнишь.

Менестрель покачал головой.

Раз у тана брабантского, Роя,
Умыкнули жену два героя.
Утром воры к ногам
Его бросились – тан,
Мы не вынесем этого воя!

Стишки Алана, может, и не были образцами изящного искусства, но народу нравились. Сама Марион не выдержала и рассмеялась, разбойники же просто легли от хохота.

* * *

– Это старое место. СТАРОЕ, Робин. Под собором – подземные коридоры, проложенные теми, кто старше человека...

– Черви.

– Не знаю, да и тебе не советую доискиваться. И в глубине этих коридоров что-то упрятано. А может быть, КТО-ТО. Мне ведомо многое, но не это. Прими совет: когда почувствуешь, что впереди ждет разгадка – беги со всех ног!

– Трусостью не одержать побед, Адрея, – заметил Тромм.

Ведьма скрестила руки на груди.

– Только идиот лезет на рожон.

– Или герой, – усмехнулся Робин.

– А это одно и то же. Герой – это идиот, которому посчастливилось вернуться живым и выдумать сказку о своем подвиге. Я, знаешь ли, не могу ожидать, что мне каждый раз повезет настолько. Конечно, если ты всякий раз на трех игральные костях выкидываешь девятнадцать, тебе мои советы не нужны.

– Все-все, сдаюсь! – поднял руки вверх Робин. – Чем ты еще можешь нам помочь? Историей этих подземелий пусть летописцы занимаются, нам она едва ли пригодится.

– Полезным может оказаться все, ну да речь не о том... Достаточно ли крепка в тебе вера, Тромм?

Монах, поджав губы, покосился на ведьму, но решил ответить честно.

– Не знаю. Своих обетов я не нарушаю, а уж о заслугах моих судить только Господу.

– Я тебе не мать-исповедница. – Адрея вздохнула, покопалась в поясном кошельке и извлекла самую обычную на вид костяную иголку. – Скажи лучше, удержишь ли ты в себе... средство, который может оказаться спасительным, если применять его с умом и расчетом, но может и принести немало вреда, если попадет не в те руки?

– Я никогда не предавал чужих тайн!

– Повторяю, я тебе не исповедница. Ты обладаешь даром, способным пригодиться ТАМ, внизу. Это твой дар, не мой – но двери его замкнуты, и сам ты долго бы еще подбирал к ним ключики, а я знаю, как открывать такие запоры. Дар этот сможет сохранить жизнь и тебе, и кому-то из твоих друзей, а может стать, и нечто большее, чем жизнь. Но нужна твердость и вера, или дар обернется проклятьем.

Тромм почувствовал, что во рту у него начался пожар, как утром после большой попойки; в голове застучало, но голос монаха звучал по-прежнему спокойно.

– Можешь показать?

Вместо ответа ведьма выбросила вооруженную иглой рукой вперед и больно кольнула Тромма в грудь, против сердца.

– In nomine Uni mori sanctum est!

«Умереть во имя Единого – свято.» – эхом отозвалось в ушах монаха.

– Что за... – он было отскочил, но сразу же понял, ЧТО. Знание теперь было с ним... да оно, по правде говоря, всегда было с ним. Даже до того, как община в Вестмюнстере приняла в свои ряды молодого послушника.

– Только против тех, кого уже нельзя вернуть обратно, – с нажимом проговорила Адрия. – Иначе станешь таким же.

* * *

Когда гости ушли достаточно далеко, ведьма небрежно выплеснула «варево» в речку – ничего опаснее лютиков, подорожника, ржавчины, песка и мела она в котелок не подсыпала. Сейчас – нужды не было. И так все видно. Лучше бы не видеть, конечно, да только это ничем не поможет, а так – кто знает?

В пустом котелке тоже можно многое увидеть. Хотя бы о тех, кого потянуло обратиться к ней за помощью.

Вот – «Добрый Робин», последний сын старого рода Лох-Лей, – рыжий лис с двумя белыми полосками вдоль пушистого хвоста; вертит им туда-сюда, следы замечает. Пока от гонимых да охотников уходить надо, все в порядке, но стоит в ловушку угодить – и прости-прощай шкурка родная, пойдет на воротник чьей-нибудь жене... А капкан уже снаряжен, зубьями железными в кустах скалится – и ты, дурень-лис, ведь прямоком к нему бежишь, думая, что сам выбираешь свой путь!..

Вот – Забияка Тромм, большой и осторожный еж, блуждает в предрассветном тумане и ждет непонятно чего. Направо пойдет – обрыв, налево – тоже, а вперед боязно. Иголки встопорил, попробуй только тронь! – а не понимает, что никому и трогать-то его не нужно, в ручей спихнул ногой, и вся недолга. Если помешает, если слишком задержится на тропинке, где многие ходят босиком и опасаются наколоться...

* * *

Скелеты подобрались бесшумно.

Или при жизни они были охотниками и следопытами, или смерть и то, что случилось потом, подарила им схожие способности, – но передвигались они, словно скользя над землей, даже пыль не скрипела, а уж ее здесь имелось вдосталь. У людей, впрочем, хватало более насущных забот, кроме как выяснять, почему ходячие мертвецы-«беспокойники» именно такие, какие они есть; и первой заботой было – выжить.

Марион приходилось труднее всего: девушка умела драться, и сабля ее не раз уже доказывала это всем, кто засомневается. Увы, никто не мог заранее знать, что против беспокой-

ников не только стрелы бесполезны, а и острый византийский клинок, даже в умелых руках. Резать на голых костях было попросту нечего, а дробить их – не столько проворство требовалось, сколько грубая сила. Хорошо хоть, кольчуга спасла, и пока Марион кое-как отмахивалась от двух скелетов, Вильгельм и Йэн разобрались со своими противниками и пришли ей на помощь. Топор Ротта – тяжелый, односторонний, на длинной рукояти, – оказался не менее хорош в такой драке, чем посох Йэна или булава Тромма. Монах и Робин, двигаясь бок о бок, пробивали дорогу, остальные прикрывали им спину; испанский меч Робина беспокойников пронимал не действеннее сабли Марион, зато короткий посох со свинцом, залитым в оба конца, крушил голые кости с одного удара. Надежный аргумент и для живых, и для мертвых.

«Бывают аргументы весомые, а бывают – увесистые,» – шутил иногда Алан, когда слышал подобные утверждения. А слышал он их часто, ибо чуть ли не на каждом привале веселая компания архаровцев обсуждала, шумно и «в лицах», насколько действенно то или иное оружие в том или ином случае... «Архаровцами» шайку окрестил мельник Мик, уверяя, что на языке Загорья это значит «горные орлы».

Покончив с отрядом скелетов, они остановились передохнуть.

– Мне это кажется, или тут становится темнее? – заметил Ротт.

– Пес его знает, – ответил Йэн. – Ну, если темнота – самое худшее, что нас ждет...

– Не худшее, – проворчал Тромм, снова поднимая булаву.

Откуда-то вывалилась фигура, очень похожая на предыдущих скелетов, но у этого беспокойника кости прикрывал панцирь из кожи и металлических блях, а в руках были круглый щит и секира. В глазницах мертвеца мерцали багровые искры.

Секира поднялась и указала на Вильгельма.

– Вызов на поединок? – хмыкнул Робин.

– Пусть, – буркнул Красный Хельми, отпихивая Йэна, чтобы освободить место для замаха топором. – Он хочет драки – он ее получит.

Секира беспокойника рванулась вперед, целя в основание шеи; Ротт отклонился, ударил сбоку, но наткнулся на вовремя подставленный щит. Мертвец ловко развернулся, уводя оружие противника в сторону, выпустил секиру, скользнул рукой к поясу и всадил между ребер разбойника нож. Сакс покачнулся, отмахиваясь топором, однако мертвец отскочил и подхватил свое оружие еще до того, как у Вильгельма окончательно подкосились ноги.

– А, раздробил кости твоей плешивой мамы святой Дунстан! – выкрикнул монах, швырнув булаву в мертвого бойца. Тот легко уклонился, но тут с ладони Тромма сорвался сгусток голубовато-белого света и разнес мертвеца даже не на части – в пыль. Зазубренная секира и помятый панцирь одно краткое мгновение висели в воздухе, потом с лязгом упали на каменные плиты. Туда же повалился и щит, блеснув остатками белой эмали на черном – остатки креста, какой носили воины храма.

Марион первой подросла к упавшему. Ротт оказался жив, даже сознания не потерял; рана смертельной не была, хотя наверняка болела зверски. Вот только сил у могучего разбойника оставалось меньше, чем у котенка, и с каждым мгновением сил этих убывало...

– Выбираемся наверх, живее, – приказал Робин. – Мари, указывай дорогу. Йэн – неси его, мы прикроем тыл.

* * *

Над вычерченной в песке схемой зависли тощие руки с обломанными ногтями. Несколько камешков-фишек пришлось выбросить, но в резерве оставалось еще достаточно. Более чем достаточно.

Игрок покосился на кучку мелкой речной гальки и хихикнул. Здесь на любое войско хватит, да только нет войску хода в Тристрам. Не заметит его, мимо по дороге пройдет. На перга-

ментах – все как полагается, вот он, городок Тристрам из Страсбургской епархии, вот chartea всего района, вот список обо всех податях, Тристрам везде там отмечен как полагается; обоз купеческий будет проходить, путник какой, один или с компанией – все честь по чести, городок как городок. Маленький, бедный, почти что деревня, ну так и место ни для перекрестка торговых путей не годится, ни для постройки цитадели, чтобы там сидел какой барон с гарнизоном и оборонял край... А будет мимо войско идти – не увидит ничего. Речка течет, развалаху какая-то на островке стоит – и все.

Удачное место.

Не зря сюда Тристрам из Лионесс сквозь саксонские армады пробивался. Пробился. И не ушел.

Удачное место...

Подброшенный медный грош завертелся в воздухе и упал на середину схемы. Изображение почти стерлось, но еще можно было разобрать голову римского орла и выбитую дату – DXXIV Anno Domini.

* * *

Пепин понял все сразу, объяснений не понадобилось.

– Клади на лавку, осторожнее... девочка, ты останься, поможешь, а вы все – пшли вон отсель!

Марион спорить не стала, хотя не любила, когда ее звали «девочкой». Впрочем, лекарю простительно – лет ему было хорошо за семьдесят, он бы Огдена-трактирщика не постеснялся «пареньком» назвать. Хотя руки Пепина не дрожали, сутулость не выглядела печальным следствием преклонного возраста, а морщин на узком лице насчитывалось немногим больше, чем у того же Ротта, – лекарь был очень стар. На голове почти не осталось волос, жидковатая борода белела свежесвыпавшим снегом, а бледно-зеленые, чуть навывкате глаза... Не то чтобы они были «источниками вековой мудрости», как порой выражались сказители, но говорили о возрасте своего хозяина больше, нежели все остальное вместе взятое.

Скупыми, выверенными до мелочей движениями Пепин разодрал кусок полотна на полосы, окунул одну в резко пахнущий спиртом прозрачный раствор и бросил через плечо:

– Вынимай нож, только медленно!

Марион послушно потянула за рукоять. Ротт захрипел, сжимая края лавки, но не пошевелился. Когда острие вышло из раны, лекарь присыпал ее каким-то порошком и приказал раненому:

– А теперь стисни крепче зубы – и не попусти тебя святой Эгмонт даже вздохнуть, пока не скажу!

Вильгельм кивнул, и тогда Пепин запустил в рану палец, обернутый проспиртованной полосой ткани. Ноги Ротта дернулись, лицо исказилось от боли; лекарь осторожно вытащил окровавленный палец, показав вцепившийся в полотно осколок металла.

– Теперь все хорошо. Заканчивай перевязку, девочка – а ты можешь возблагодарить своего покровителя, что жив остался. Знаю я эти клинки, будь они прокляты... Еще когда служил в войсках Магнуса, у меня друг умер от такой раны.

Пока Марион бинтовала грудь сакса, Пепин швырнул ткань в камин, на тлеющие угли. С шипением полыхнуло пламя, затем в камине вновь остался лишь ровный, красно-серый жар.

– Кто... – выдохнул Вильгельм, закашлялся, сплюнул и вновь заговорил: – Кто делал такие клинки?

– Храмовый орден. Говорят, италийцы этому у мавров научились, но думаю, врут. «Перст Господа» называется – у такого ножа хрупкое острие, оно от удара обламывается и остается

в ране. Если не извлечь сразу же, уйдет вглубь и пропорет все, что только можно. Человек и умирает, а храмовники с соболезнаваниями кивают: Господня кара, мол...

Ротт скривился, потом озабоченно нахмурился. У Марион округлились глаза, рука сама собой потянулась ко рту – подавить возглас, что рвался наружу. Обоим им живо представилась фигура беспокойника в орденском панцире – и не рядового брата-воина, щиты с храмовым крестом имели право носить лишь сержанты и командиры постарше...

* * *

– Хватит, – Робин рубанул воздух ребром ладони. – Никакого мне больше геройства. Двигаем напролом, как таран, крушим всех и вся. Тромм, ежели вдруг что – не стесняйся... ну ты понял, о чем я.

– Верно! – поддержал Йэн. – Мари, а ты бы лучше вовсе не высывалась – укрывайся между нами да из лука бей. Если там не только такие мертвяки шастают... не убьешь, так хоть отвлечешь и нам поможешь.

Ротт фыркнул.

– Одно сражение видел, так уже великим тактиком себя возомнил!

– Почему вдруг одно? – притворно обиделся Мальш. – И вовсе даже не одно, а целых три! Штурм Донаркейля, битва под Рейнхембахом и заварушка в Зеленой лощине, или как ее – ну, еще когда Алан там жил... Вполне приличные сражения – скажешь, нет?

Вильхельм махнул рукой. Переспорить гэла, если тот твердо намеревался стоять на своем, мало кто мог. Даже если повод для препирательств – разбитая скорлупа выеденного два года назад гусиного яйца.

... Темные помещения собора дышали тяжелой угрозой, воздух словно был полон незримых глаз, хлеставших по спинам тех, кто вновь посмел осквернить своим присутствием это некогда святое место. Тьма становилась все гуще и осязаемее, и хотя на пути их не попадался пока ни один ходячий скелет или иные беспокойники – Тромм уже почти готов был взять назад свое недавнее заявление, что тут ожидает нечто похуже темноты. То есть монах ни разу не сомневался, что такое «нечто похуже» вполне возможно, но ему казалось, что если это самое Нечто вылезет наружу...

Додумать эту мысль он не успел.

Было по-прежнему темно. Давний запах тлена и пыли не исчез и даже не стал слабее, но к нему добавился новый. Малоприятный, но знакомый. Так могло бы вонять на заброшенной скотобойне.

Потом смрад крови и гнили ударил почти осязаемым потоком. Марион вскрикнула и пустила стрелу. Почти сразу, словно цель находилась шагах в десяти, раздался звук входящего в плоть наконечника и раздраженное ворчание.

– Yin Lles! – раздалось непонятно откуда.

Люди оказались в центре светового колокола, шагов пятнадцати в поперечнике и восьми – в высоту. За чертой света, едва различимое в полумраке, высилось Нечто.

Живущие в темноте обычно не любят даже неяркого освещения, однако это создание было исключением. Все так же ворча, Оно сделало пару шагов вперед – и остановилось, давая пришельцам возможность насладиться созерцанием Его облика. Поскольку, по Его мнению, сие зрелище было последним, что они увидят в этой жизни...

– Назад! – хлестнул по нервам приказ Ротта.

Ноги кормят не только волка, но и его друзей-приятелей – лесных разбойников. Вряд ли сами чемпионы легендарной Олимпии в состязаниях по бегу смогли бы одолеть полторы

сотни шагов по коридорам быстрее, чем это проделали Робин и его компания. Световой конус скользил за ними.

Существо, невзирая на габариты, вовсе не было неуклюжим, и восьми шагов форы Тромму, который мчался последним, едва-едва хватило, чтобы проскользнуть в дверь-решетку, Йэн с лязгом задвинул засов, люди почувствовали себя почти в безопасности и взглянули на Существо уже не с глубинным ужасом, а прикидывая, как бы понадежнее уложить такую тварь.

Существо взирало на них с ответным голодным интересом.

Когтистые лапы – достаточно мощные, чтобы разодрать пополам взрослого быка, – сомкнулись на железных прутьях и потянули. Раздался жалобный скрип; мастер, который ковал решетку, навряд ли предназначал ей роль крепостных ворот, и уж конечно понятия не имел о таких вот Существах.

– Ну все, – заявила Марион, – ты меня достал.

И всадила в грудь Существа стрелу. В упор, из восьмидесятифунтового лука – ни кольчуга, ни броня-бригантина вроде той, что Йэн носил, ни вымоченный в соляном растворе холщовый панцирь, ни даже более устойчивые к стрелам чешуйчатые и дощатые латы хозяина не уберegli бы. Цельнокованая кираса, и то подалась бы, приди наконецник не под углом, а прямо. А уж человека без брони такой выстрел прошил бы навывлет.

Стрела утонула в бурой плоти на пол-древка; Существо раздраженно рыкнуло, почесалось, словно после комариного укуса, и снова принялось раздвигать решетку.

– А ну, вместе!

Вторая стрела ударила в морду, похожую на помесь свиного рыла с помятой ослиной задницей. Марион метила в глаз, но промахнулась и раскроила Существому нос и скулу (конечно, если это были именно нос и скула – на человеческие они походили весьма мало). Робин полоснул мечом по одной лапе, Ротг всадил топор в другую – лезвие частично ударило по решетке и получило несколько зазубрин, но и Существому явно досталось. Отдернув лапы, Оно задумчиво вылизало раны длинным, более чем в локоть языком (кровь, густая и черная, остановилась почти мгновенно); и пока Марион доставала из колчана следующую стрелу, в правой лапе Существа откуда-то возникло оружие пренеприятного облика. Так мог бы выглядеть мясницкий топорик-секач, если бы мяснику требовалось разделять цельную китовую тушу.

Марион выстрелила опять, поразив на сей раз шею Мясника. Тот не обратил на это никакого внимания, занес свой секач – и с размаху рубанул по двери. Решетка простонала, раскроенная чуть ли не наполовину. Еще два таких удара – и...

– Йэх-хха! – выдохнул Йэн, который успел выкатиться сквозь пролом – для него-то и такая дыра была достаточно широка, – и обрушил свой посох на «ногу» Существа, под колено.

Удар такой мощи сметал закованного в латы рыцаря либо с лошади, либо вместе с лошадью. У Мясника не хватило наглости устоять на ногах, и Он покачнулся, едва не рухнув. Секач вновь взмыл в воздух, целясь уже в Малыша Йэна, но тут вновь сказала свое «тванг» тетива лука Марион – и стрела пронзила запястье Существа, пройдя навывлет. Жуткое оружие выпало из руки Мясника; Йэн ударил вторично, в ту же ногу. На этот раз Существо грузно повалилось – и тогда Ротг, который выскочил следом, раскрутил на бегу свой топор и всадил лезвие Ему в затылок. Мгновением позже подоспел Робин, вонзив клинок куда-то в спину Мясника.

Даже демон от такого подох бы на месте. Существо, истекая вонючей слизью, начало приподниматься. Булава Тромма обрушилась на разбитый уже затылок, но Мясник словно не заметил и этого. Малыш Йэн въехал концом посоха Ему в физиономию; кльки Существа сомкнулись и зажали тяжелый дрын, будто в тисках. Дубовый посох в ладонь толщиной хрустнул как гнилая палка. Опять поразили цель топор Вильгельма, булава монаха и меч Робина, опять Мясник лишь заворчал в ответ на раны. Тромм уже было собрался УДАРИТЬ, однако тут Йэн

воткнул обломок посоха в горло Существа – как раз туда, куда угодила одна из стрел Марион, – и с силой провернул его там. Раз, и еще раз.

Жуткие когти Мясника, которые уже почти сомкнулись на плечах Малыша Йэна, проборождали леориксову броню – и бессильно опустились. Испустив последнюю порцию вони, тело осело наземь.

* * *

- Взят первый. Счет открыт.
- Не будешь спорить, что чистой тут победу не назвать?
- Не буду; никакого договора я не желал об этом заключать.
- И полагаешь, им пройти удастся до самого конца?
- Наверяд ли, Из. Но пусть пока идут. Уж разобраться сумеем мы, кого отвергнет НИЗ...

* * *

Темнота не то чтобы исчезла вовсе, но как-то боязливо попряталась по углам-закоулкам. К победителям Мясника никто и подойти не смел, даже если какая-то нечисть в соборе еще обитала. В последнем, впрочем, вряд ли усомнился бы сам Томай Неверующий. Однако у исследователей почему-то не возникало никакого желания положиться на миролюбие здешних... жителей.

Взамен сломанного оружия Йэн, орудуя секачом Мясника, вырубил из решетки железный прут длиной в два с половиной локтя и толщиной около полтора пальцев. Для лучшего захвата он обмотал тряпкой один конец, и получилась неплохая палица. Сам трофейный секач годился разве только «на похвастаться» при случае: слишком уж массивный и тяжелый даже для Малыша Йэна, но бросать добычу гэл не стал и приспособил за спину. Похвастаться таким – уже немало, для такого и потрудиться не грех.

В верхних помещениях собора не содержалось более ничего интересного. Строительство успели завершить лишь наполовину, в том смысле, что от Храма Господня тут была разве что оболочка. И то – лишенная драгоценной мишуры, которая, быть может, сама-то святостью и не обладает, зато способствует созданию ореола таковой.

Во время оно альмейнская ветвь святой церкви, ревностная блюстительница заветов патриарха Ария, яростно боролась против превращения Божьих обителей в ларцы с золотыми побрякушками, и требовала от священнослужителей соблюдения, прежде всего, обетов бедности и смирения – требовала этого настолько сурово, что строгие арианские прелаты частенько взирали сквозь пальцы на менее значимые, с их точки зрения, обеты воздержания и целомудрия. Но после того, как четыре разнородные ветви христианства сплелись, так сказать, в цельный венчик, помпезная пышность италийских и, особенно, византийских церковных обычаев возобладала над простыми и почти аскетичными привычками альмейнских священников. И к моменту крещения языческого Лоррейна, на двенадцатую осень после воцарения Магнуса на престоле франков, любая Обитель Господня – от последней придорожной часовенки до кафедрального собора, – просто обязана была смотреться чеканной золотой кроной среди навозной кучи всех прочих строений округи. Теперь, полных три четверти века спустя, трудно назвать причины добавления сего неписанного правила в каноны церковной архитектуры, но соблюдалось оно тщательнее многих старых традиций. Включая десять заповедей, не говоря уж о менее известных законах, изложенных в тексте Завета.

Тем более странно, как-то отстраненно размышлял Тромм, видеть эти стены непристойно голыми. Храмы неоднократно грабили; церковь сулила кары Господни на головы еретиков-воров, предавала проклятью их потомство до седьмого колена, провозглашала анафемы, –

это все, разумеется, помимо и сверх мер воздействия физического, на которые князья церкви, будучи такими же земными князьями, как герцоги и таны, будучи такой же, как они, опорой земных законов, конечно же, не скупилась... Да, храмы грабили, обдирая со стен эту самую «драгоценную мишуру», видя в ней не более чем уйму золота и серебра, которое так просто расплавить и обратить в звонкую монету; но в том-то и дело, что эти стены никто никогда не обдирали, они были голыми с самого начала. На них никогда не было мозаичных изразцов и вызолоченных и посеребренных барельефов со сценами из жития святых; никогда не стояли тут фигуры ангелов, Христа и мадонны из слоновой кости и красного дерева, никогда не оживляли скупую и строгую внутренность собора просветляющие душу рисунки-витражи из цветного венецианского стекла, никогда не стерегли покой мертвых плиты из драгоценной яшмы и мрамора...

Он остановился.

Поскольку монах шел впереди, как бы указывая дорогу, остановились и остальные. Робин медленно, осторожно осмотрелся, не обнаружил ничего подозрительного, перемигнулся с Роттом, получил в ответ молчаливое пожатие плечами и вопросительно пихнул в бок монаха – что такое, мол.

– Усыпальница, – выдохнул Тромм. – Ну конечно же! Идиот, как я сразу не догадался!

– Думаешь, там... – Робин не закончил – ему тоже вспомнился ведьмин котел и то, что они там увидели. – Так, всем приготовиться. Монах, тебе особо.

...Алтарь скорее походил на простой жертвенник языческих времен – строгая усеченная пирамида на четыре грани, и даже равносторонний крест, врезанный в верхнюю часть алтаря, представлялся не символом распятия и воскресения, а простым знаком солнца, какие известны по всей Галлии. На западе, где доселе в почете старые боги, знак в форме такого креста отнюдь не зовут крестом – да и Лоррейн узрел свет Истинной Веры не столь давно, чтобы потерять возможность видеть что-либо помимо этого света. Тромм привычно перекрестился, вознес краткую молитву святому Дунстану – и вместо хотя бы малой толики небесной благодати ощутил холодное презрение, исходящее...

– Осторожно!

Но Йэн уже открывал двери усыпальницы.

* * *

Кровь смывает и позор, и доблесть.
В смерть, как в жизнь, нагими входим мы.
И химера, что зовется «совесть»,
И седой укору старины, –
Не слышны они за той чертою,
Что нельзя живому пересечь.
Что нас ждет – мгновение покоя,
Или вечность новых страшных сеч?

Все, что нами пережито прежде,
Все, что нам готовят впереди, –
Это нить по имени Надежда,
Что ведет нас дальше по Пути.
Кровь смывает радость и невзгоды,
Память тонет в алой глубине...

Смерть пришла, приняв у жизни роды,
Получая павших на войне...

* * *

Скелет восстал из открытого гроба, поднимая меч. Ржавый двуручный клинок с хрустом переломился.

Страж гробницы не отступил и встретил незваных гостей со сломанным мечом в костлявой деснице. Видно, он был полностью солидарен с первым паладином и полководцем Магнуса, Браном О'Доннелом, который часто заявлял: лучше сломанный клинок, чем вовсе никакого.

– Это же... – прошептала Марион.

Похожий меч все они видели в деле, однако оружие мало что доказывало. Да, тяжелый двуручник альмейнского образца, штука редкая – мало кому под силу такой таскать, – но ведь не меч они искали здесь.

Куда важнее был массивный обруч, что венчал череп стража-скелета. Широкий обруч из нарочито тусклой, словно бы покрытой копотью бронзы, с вызолоченными львиными лапами, которые приходится хозяину на виски – точнее, туда, где у человека должны быть виски, в голове стража там зияли два отверстия...

– Клянусь распятием, Корона Льва!.. – воскликнул Лох-Лей.

Марион эхом отозвалась:

– Леорикс!..

Скелет остановился. Опустил обломок меча. Медленно, поскрипывая суставами, шагнул вперед и склонился над Робинотом – ростом он превосходил Малыша Йэна на добрую ладонь, именно таким при жизни был Король-Лев.

Вожак разбойников убрал меч в ножны, опустился на правое колено и покорно наклонил голову. Этому правителя он был готов приветствовать по всем правилам этикета, жив он там или мертв. Марион последовала его примеру, Йэн и Вильхельм ограничились неловкими поклонами. Тромм также решил поклониться, однако все же был готов в любой момент воспользоваться новообретенным умением. Живого Леорикса он уважал, и весьма, – и как короля, и как доброго собутельника и соратника, когда еще не знал, что перед ним рикс Лоррейна, – но теперь перед ним был мертвец, беспокойник, а сходить с такими ближе необходимого Тромм нисколько не собирался.

Скол меча уперся в каменные плиты и процарапал черту. Еще одну, и еще. Наконец скелет отступил назад, к гробу, и скрестил лишенные плоти руки на груди.

– «COLPA», – прочел монах, – «Рази»?...

Тромм перевел взгляд на Короля-Льва (теперь-то он был абсолютно уверен, перед ними стоял именно владыка Лоррейна). Тот кивнул с какой-то мрачной торжественностью.

– Requiescat in pacem, Rex Lorraines, – вздохнул монах и нанес удар. – Amen.

Переход Коронация

Верден гудел, как пчелиный улей, только вместо меда и воска тут копились слухи и предположения. То есть никто особенно не сомневался, что на престол сядет принц Ян, также известный в народе как Святоша. Нет, не личные достоинства принца были причиной такой уверенности – Ян поспокойнее и более рассудителен, чем его сводный брат Леорикс, но во всем остальном Льву несомненно уступал. И уж конечно Святоша будет править не потому, что больше некому: даже если сын Леорикса, Альбрехт-Львенок, действительно погиб, да упадут от такого все святые, – Ян не единственный в роду Лотара Хромого, у кого есть права на лоррейнский трон. А ведь есть еще и такие потомки Лотара Хромого, которые более близкие родичи и покойному Леориксу, и его папеньке, другому Лотару, а что их матери и отцы не произносили брачных обетов у алтарей святой церкви – так ведь в законах Лоррейна, составленных как смесь гэльских и франкских обычаев с италийскими и альмейнскими сводами права, сей юридический казус прописан далеко не так прочно, как в Италии или у византийцев.

И все-таки борьбы за престол не будет. За место у престола и при дворе – да, конечно, это как водится, но не за сам престол. Ибо в Лоррейне есть другие претенденты на корону, однако нету сил, способных соперничать с теми, которые поддерживают Яна.

Силы эти не скрывались.

Не к лицу такое его преосвященной светлости Хюммелю, епископу Верденскому, святейшему и бесспорному главе лоррейнской церкви во всем, кроме разве что титула, – каковой безусловно придет, как только сойдет в могилу архиепископ Лудуна, девяностолетний Эрвард. Споспешествовать же этому Хюммель подчеркнуто не желал: зачем? он не торопится, он и подождать может, истинная власть и так в его руках, и князя лоррейнской церкви, когда придет время, назовут именно его имя, ибо других не знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.